

ИСААК БРОНФМАН

84(2Рос-6Евр)6
15 88

ДОБРОЕ
СЛОВО

стихи

24 (2 ПК - 6 ЕВР) 6-5
522

ИСААК БРОНФМАН

ДОБРОЕ СЛОВО

СТИХИ

128419-м

КОЛЛЕКЦИЯ
КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Библиотечка краеведческой литературы
им. Шолом-Алейхема
СЕКТОР НАЦИОНАЛЬНО-
КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Хабаровское
книжное
издательство
1975

ТАКОЙ, КАК ЕСТЬ

Эти стихи не поразят воображение читателя изощренностью поэтических ходов, изысканностью или размашистой легкостью слога, вспышками неожиданных сравнений, метафор. Они скромны и неторопливы, как раздумья пахаря или рабочего в минуту недолгого отдыха. И в обращении к своему переводчику сам поэт, пишущий на родном, еврейском языке, обеспокоен тем, чтобы не приукрашали его стихи ради внешнего блеска словами, не свойственными языку рабочего человека.

Ты не шей мне новых одеяний,
И тебе и мне они не в честь.
Ты не делай мне благодеяний,
Ты оставь меня таким, как есть.
Невысок и рус, закалки прочной,
С грудью, что кузнечные меха,
Я сегодня с улицы рабочей
Завернул в горячий цех стиха.

(Перевод А. Рыбочкина)

Притягательная сила стихов И. Бронфмана в их жизненной достоверности. Они возникают как результат непосредственного восприятия реальности, за ними большой человеческий опыт.

Б $\frac{0743-31}{M160(03)-75}$ 31-75

© Табаровское книжное издательство, 1975

Исаак Бронфман — человек трудной судьбы, а главное — типичной для советского человека его поколения, входившего в жизнь под залпы «Авроры». Раннее сиротство — и неожиданное счастье в образе «парня в шлеме со звездой», который, «весь буржуйский род кланя, завернул в шинель солдата несмышлениша, меня...». Образ парня в буденовке со звездой так и остался навсегда в памяти поэта воплощением справедливости — его светом и дыханием освещено и согрето все, глубоко партийное по сути, творчество Исаака Бронфмана.

После окончания техникума, с дипломом выездного сельского механика в кармане, приехал будущий поэт еще в 1931 году на Дальний Восток, край новостроек и первооткрывателей.

Вместе с другими переселенцами-энтузиастами корчевал он тайгу, распахивал благодатные приамурские земли, слесарничал в депо, работал в газете. Всем сердцем прикипел поэт к Приамурию.

А потом — война, Великая Отечественная война Советского народа. Как истинный патриот своей Родины офицер танкист Исаак Бронфман, громил гитлеровцев, участвовал в освобождении городов Румынии, Венгрии, Чехословакии.

Но пахал ли тракторист Исаак Бронфман землю, воевал ли — он всегда оставался поэтом. И пережитое переливалось, вернее, переплавлялось в стихи, напоенные сыновней любовью к родному краю, глубокой болью потерь, справедливым гневом к фашизму и гордостью за советского солдата-освободителя. Он много пережил, видел и, пройдя сквозь огонь войны, вынес

глубочайшую уверенность в главное призвание человека: «Созиданье — вот в чем жизни смысл».

Стихи Исаака Бронфмана притягательны еще и тем, что в них он человечески скромен и совестлив. Лирическое «я» поэта всегда затенено фигурами любимых сердцу людей, чьими подвигами и делами восхищается поэт. А это — не просто отпечаток характера поэта, а и признак истинной поэзии. Сам поэт относится к себе несколько иронически, но сквозь юмор и иронию вдруг прорываются строки, дышащие такой острой болью, что невольно вызывают не менее глубокое ответное чувство у читателя:

Я двух сестер лишился в ту войну,
Над страшным гетто долго стлался дым.
И эти подцветочки к окну
Поставил я как памятники им.

(Перевод А. Рыбочкина)

И хотелось отметить еще одну примечательную черту поэзии Исаака Бронфмана: ей в высшей степени присуще «чувство семьи единой», ощущение кровного по Революции родства всех — больших и малых — народов Советской страны, обеспечившего победу в кровавой битве с фашизмом. Как у истинного поэта, это великое чувство в стихах Исаака Бронфмана присутствует, по счастливому выражению С. Наровчатова, «инкогнито», им пропитана самая ткань стиха. Поэт-коммунист выступает в своих стихах как подлинный интернационалист, солдат-победитель, в сердце которого сгустком запеклось горе поруганной врагами отчей земли.

Можно упрекнуть автора в том, что он не всегда находит дорогу от конкретного факта к значительному обобщению. Не всем переводчикам удалось по-настоящему справиться с образной системой народного языка.

Но эта книга не оставит, мне думается, читателя равнодушным, ибо поистине в ней «дышит почва и судьба».

Михаил АСЛАМОВ.

МОЯ АНКЕТА

Даты жизни зафиксируют чернила,
Между строчек — голод, холод и стрельба...
Не ласкало меня время, не щадило,
Грозной бурей отмечена судьба.

Славлю бурю Октября — дыханье воли!
Без нее бы я погиб наверняка,
Захирел бы, как цветок в безводном поле,
Как полынь, была бы долюшка горька.

А судьба моя с твоей, Отчизна, слита,
Нераздельна в сопричастности своей
К этой ниве, что туманами повита,
К этой сини с дальним криком журавлей.

Я с тобою рос в тревогах и лишениях,
Потому-то для меня такая честь,
Что во всех твоих победах и свершеньях
Есть и мой, пусть незаметный вклад,
но есть!

ГДЕ ОН, ЭТОТ СОЛДАТ?..

Где он,
парень,
что когда-то,
весь буржуйский род кляня,
завернул в шинель солдата
несмышлениша,
меня?

Сам, видать, с пеленок понял,
как сиротский хлеб горюч, —
и понес меня он в поле,
в рожь, высокую — до туч!
А потом в палатке,
жженной

солнцем,
ветром
и огнем,

угощал солдатской пшеникой,
чтобы помнил я о нем.
Август плыл шмелиным гудом
по-над степью золотой...
Улыбался белозубо
парень
в шлеме со звездой!
Этот шлем храню доныне,
вспоминая о бойце,
словно о любимом сыне,
словно о родном отце.
Где он, где он, этот парень,
жив ли, все ль еще в строю
или пал, как сотни пали,
он за Родину свою?..

ДЕТСТВО

Уж сорок лет храню я этот снимок.
Наш детский дом, и сад, и тополя,
И тетя Катя с мальчиком в обнимку...
А тот мальчишка шуплый — это я.

Ах, тетя Катя, добрый ангел детства,
Я помню все: и взгляд, и голос твой...
Куда еще мальчишке было деться,
Как не к тебе с печалью и бедой.

Вот ты смеешься в нашем хороводе,
И рады мы — глаза твои горят,
Вот к Бугу за руку меня подводишь,
Туда, где вербы с речкой говорят.

— А почему не едут папа с мамой? —
Я спрашиваю тихо. Ты молчишь.
И только губы стиснуты упрямо,
И запеваешь вдруг,

и сразу тишь —
Расколота! И «в небе полуденном»
Заржали кони, топот слышу я...
И конников своих ведет Буденный,
И кто-то не вернется к сыновьям...

Детдомовское детство, наша тетя...
Когда бывало тяжело мне в пути,
Я вспоминал буденовцев в полете,
И становилось легче мне идти.

Я ПЕРЕНЯЛ ОТЦОВСКОЕ УМЕНИЕ

На сахарном заводе у помещика
Отец мой добывал свой горький хлеб,
И оглушило слесаря-котельщика
Тяжелым гулом подневольных лет.

Как ночь в пустыне, глож,
и стихла речь его,
И он угас, как свечка под дождем,
От пенья птиц, от слова человеческого
Гремящим звуком стали огражден...

Я перенял отцовское умение
Ковать, клепать, кудесничать в цеху,
И всемогущ мой цех, —
и в шумной смене я
Железной речи внемлю, как стиху.

Я чуток к рифме и к ракетной скорости.
Ко всей земле. За все держу ответ.
Все принимаю — радости и горести,
Как листья впитывают солнца свет.

ПТЕНЦЫ

Пальнул мальчишка из рогатки,
А я остановить не смог,
Я не успел.
Из птичьей хатки
Упал бесформенный комок.

Быть может,
Стать пора умнее
И горевать не стоит мне.
Но птиц меньше стало в небе,
Но песней меньше в вышине!

Нет, дело тут не в сантиментах.
Такая боль меня прожгла,
Как будто пуля в сантиметре
От сердца моего прошла.

Птенцы отчаянно галдели, —
Куда же подевалась мать? —
Они, наверно, есть хотели,
Смерть не желая понимать.

И я припомнил все сначала,
И я припомнил детство вдруг,
Как пуще хлеба не хватало
Мне светлых материнских рук.

Я сыт по горло горем этим.
Не потому ль теперь я сам,
Познавший жизнь, я ласков к детям,
Неоперившимся птенцам.

К ПЕРЕВОДЧИКУ

Ты не шей мне новых
одеяний.
И тебе и мне они не в честь.
Ты не делай мной
благодетелей.
Ты оставь меня таким,
как есть.
Невысок и рус,
закалки прочной,
С грудью, что кузнечные
меха.
Я сегодня с улицы рабочей
Завернул в горячий цех стиха.
И ко мне мои приходят строки —
Шумный вихрь прожитых
мною дней.
С гулом тракторов
на солнцепеке,
С пеньем рельсов,
звоном тополей.
Вот они — бессонными ночами
В муках мной рожденные —
бери!
Но смотри моими ты глазами,
Сердцем ты моим, прошу,
смотри.
Спой, как я! И радость,
и улыбки,
И печаль мою испей до дна.
Пусть различны будут наши скрипки,
Но звучит мелодия одна.

ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА

Мне подушку кулак заменяет давно,
Одеяло — выдавшая виды шинель.
Только ночь фронтовая не балует сном,
А вздремнуть — всюду в поле найдется постель.

Улыбнулся во сне мой товарищ Василий,
Рядом с ним спят казах и грузин из разведки,
Плащ-палатку походную мы расстелили..
Ночь. Вокруг тишина... А теперь это редко...

Завтра грохот и визг, завтра снова нам в бой.
Воля к скорой победе в сердцах, как патроны
в обоймах.

Радость и горе пьем мы из фляги одной,
На врага по-гвардейски бросаемся в бой мы!

Низко стелется плотный туман, словно дым.
Мы прижались друг к другу теснее, как дети.
Обогрела нас дружба дыханьем своим,
Будто мать, что пришла к нам в туманном рассвете.

ИВАНОВ

Вот он глядит из той поры военной,
Запечатленный в памяти моей:
Веселый взгляд, по-детски откровенный,
Из-под густых, как плюшевых, бровей..

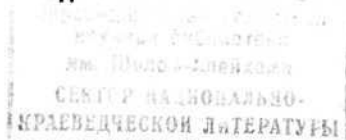
Я так его хотел бы видеть снова!
Ведь он меня по-братски обнимал,
Когда ему я раны бинтовал,
Среди огня смертельно-навесного.

А было так:
в пристрелянные дали
Стволы глядели на передовой.
Мы из траншеи, помню, наблюдали
Воздушный бой вверху, над головой.

Казалось, что от рева «мессершмиттов»
Оглохнули и небо, и земля.
А летчик поливал свинцом бандитов,
Сражаясь в одиночестве с тремя!

Вот он пронесся молнией над ними
И по врагу ударил с высоты,
И первый «мессер» захлебнулся в дыме,
Упал, взметая землю и кусты.

Горит второй. А третий — поле боя
Покинул и нырнул за облака..

Наш летчик посадил машину в поле —
Пробиты были крылья ястребка...

Где он теперь?

Не знаю. Полевые
Сменились почты. Адрес трижды нов.
Лишь только помню частую в России
Фамилию простую —

Иванов!

ГОЛОС МОСКВЫ

После боя,
В лесу,
На походной стоянке,
Далеко от Москвы
Говорила Москва,
И сурово молчали
Тяжелые танки,
Будто слушали с нами
Родные слова.

О, как сладостна
Русская речь за границей!
Потептели глаза,
Как под солнцем янтарь.
Таял снег в котелках.
Со снежком и водицей
Удивительно вкусным
Казался сухарь.

Нас не грела весна
В том году на чужбине.
Молча мы тосковали
О небе родном
Да о тихой березке,
О тонкой рябине,
Что у отчего дома
Стоят под окном.

Но зажегся сигнал,
Призывая к походу,

И на вздрогнувшем танке
Качнулась звезда,
И пошли на врага —
За весну, за свободу,
За горячее
Мирное
Солнце труда.

И несла, и несла
Колесница стальная
Голос ленинской правды —
Нашей правды слова.
И в свободном к утру
Городке у Дуная
В тот же утренний час
Говорила Москва.

НА ПРИВАЛЕ

В чешской деревушке у садов зеленых
Встала после боя танковая часть.
Запылились хлопцы, им воды б студеной —
В самый раз помыться и напиться всласть.

Вся деревня в сборе у машин толпится.
Девушка с улыбкой к танкам подошла
И, взглянув на потные молодые лица,
— Вам умыться б, хлопцы, — молвила она.

Принесла им воду, ключевую, чистую,
Да кому, не знает, первому подать.
А кругом ребята, стройные, плечистые,
От нее не в силах взгляда оторвать.

Этот просит ласково:
— К нам неси, красавица.
А поодаль весело говорит другой:
— Вот бы мне умыться, да тебе
понравиться,
Да поцеловаться бы, девушка, с тобой!

Может быть, от зависти сбились с ног
подружки,
Зазвенели ведрами у криниц тогда.
Поплыла к машинам в кувшинах и
кружках,
Как любовь девичья, чистая вода.

А когда поднялся месяц круторогий
И моторы песню завели опять,
Собралась деревня с шумом у дороги
Танки краснозвездные дальше провозжать.

ПРАГА

О, Злата Прага! Счастлив я и горд
Тебя увидеть с этой башни древней.
Мы шли к тебе не час, не день, не год.
И вот пришли. Каштаны словно дремлют.
Ты выжила! Струясь, бежит река.
И через дым руин — прострелы света.
О, Злата Прага, — вот моя рука.
На дружбу дай свою. Поет пусть лето
Звонящим смехом. Песенный прибор —
Как отзвук позабытой канонады.
О, Злата Прага, славлю я с тобой
Твоих сынов, что шли на баррикады.
Я вместе с ними плачу и смеюсь,
Когда я слышу звонкий голос детский:
— «Наздар» — земле с названьем гордым — Русь!
«Наздар» — солдатам Армии Советской!
О, чудо-город, вновь свободен ты!
Я шел к тебе сквозь гром лихой атаки.
Твои я помню алые цветы,
Букетами лежащие на танке.
К земле твоей всем сердцем я прирос,
И здесь звучит знакомый миру голос...
То Ленин говорит — сквозь вихри лет и гроз
Пробилось слово, будто к солнцу колос.
Ильич... И, словно пламенный набат,
Передо мною оживают снова
Дни Пражской конференции —

стоят

Большевики за ленинское слово...
О, Злата Прага! Счастлив я и горд
Тебя увидеть с этой башни древней.
Мы шли к тебе не час, не день, не год.
И вот — свободна ты. Каштаны словно дремлют.

ИСПРАВЛЕННАЯ ОТМЕТКА

В детстве был учитель у меня,
Знающий, но очень уж суровый.
Недовольством сдвинутые брови
Памятны до нынешнего дня.

Помню, вызвал к карте: — Ну, дружок,
Покажи-ка Венгрии столицу...
И пришлось мне, помню, провалиться:
Отыскать столицу я не смог.
— Что ж, садись, — сказал он, — единица!

Прошумело много долгих лет.
Как-то в Будапеште, на привале,
Повара танкистам подавали —
В первый раз по-мирному — обед.

Мой дружок, механик-сибиряк,
Помню, мне сказал тогда с улыбкой:
— Ты, земляк, не убивайся быстро,
Ты теперь в отличниках, земляк.

Не на карте, а в святом бою
Ты нашел венгерскую столицу.
Дома школу навести свою —
Пусть старик исправит единицу.

ЭКИПАЖ

Голованов, комтанка...
Высокий. Из тех,
Кого смерть не брала,
кого пуля щадила.

Все казалось:
родная кубанская степь
Широтой своевольной
его одарила.

Яша Риммер. Стрелок.
(А когда-то — портной).
Он глаза удивленные
вынес из детства.
Так любил прихвастнуть он
Одессой родной,
Что к нему обращались:
— Эй, парень! Одесса!

А механик-водитель?
Донбасский шахтер,
Гармонист и всеобщий любимец,
Антонов,
Как он неел!
И гармошки его разговор
То был прям по-солдатски,
то печален и тонок...

Ваня Стриха, радист.
Был он русоволос,

Книгочей и мудрец
с беспокойной душою.
Он мечтал поступить в институт —
не пришлось.
Стала главной наукою —
азбука боя.

Эти четверо —
разные, как ни взгляни,
Непохожие, —
в главном похожими были:
Жизнь с горячею страстью
любили они.
Но Отчизну свою
больше жизни любили.

Каждый что-то свое
свято помнил и знал,
Но четыре судьбы,
но четыре дороги
Свел в единое целое
трубный сигнал
Всенародной беды,
всенародной тревоги.

Дружба их
молчалива была и проста.
И назло всем
искавшим их смерти разрываю
Их хранила отвага
и та правота,
Что солдату дается
в бою справедливым.
Став друг другу родней
самой кровной родни,

Словно черти, черны, —
только светятся зубы, —
Хоть горели они —
не сгорели они
И сквозь воду прошли,
и сквозь медные трубы —

Даже в танковом нашем,
в том славном полку
Из гвардейцев гвардейцами
были те парни!
Кое-что позабылось,
что знал на веку,
Но для этой четверки —
как дом моя память.

Помню утро весеннее:
первый день без войны.
Кончен счет испытаниям лютым.
Помню — даже восход
у дунайской волны
Нам казался
победным салютом!

Это — наша победа,
завоеванный, наш,
Праздник нашего правого дела!..
И в обнимку стоял на броне
экипаж,
И гармонь знаменитая пела.

ВАСИЛИЙ ЛУКИЧ

Василий Лукич
сталевар,
из волжан,
из Сормова взят,
из запаса.
И вот он в бою —
помкомвзвода,
сержант
и снайпер
высокого класса.

И выпало «тигру»
познать его стиль.
Как страшно он
пер на солдата!
Лукич, как Буденный,
усы подкрутил:
«Гранатами гада,
ребята!..»

И после,
в солдатском кругу знаменит,
говаривал он для затравки:
«Ведь «тигр» — та же сталь,
только больно гремит.
А я же ведь мастер
по плавке!
И должен я впрок
наготовить успеть
фашистского металллома...»

И ус подкрутил он —
как прежде, успех
означив привычкой
знакомой...

И вот над мартенами
свет зоревой,
Василий Лукич
«на гражданке».
И почерк он свой узнает
фронтной,
увидев трофейные танки.

Не этот ли вспыхнул
от связки гранат,
как бочка с бензином
от спички?..

И мастер обходит
платформы подряд
и крутит усы
по привычке.

ТУЛЬСКИЙ САМОВАР

Друг застолья неперменный,
Вот где встретился ты мне!
На пути моем военном
В чужедальной стороне.

Ну, а он — на полном взводе,
Гонит пара облака.
Вдруг присвистнул — тоже вроде
Рад увидеть земляка, —
Мол, готовь, солдат, посуду!
Как щекочет ноздри пар!..

— Эй, хозяин!
А откуда
В этом доме самовар?

И в ответ — уж так невесел —
Тот едва пролепетал:
— Из какой-то
Из Одессы
Ганс в подарок нам прислал..

Самовар сипит, клокочет,
Распирает пар бока,
Словно он взорваться хочет,
Да не вырвана чека...

А хозяин, льстив донельзя,
К чаю просит (жаль, что стар!)...
Мне глаза слепит до рези
Блеском
Тульский самовар.

И, нещадно душу рая,
Вдруг поплыли предо мной
Тени виселиц в тумане...
Поле горя, поле брани —
Лик земли моей родной.
И очнулся —
Сердцу больно,
Руки ищут кобуру,
И хозяин хлебосольный,
Побледнев, присел в углу...

Мы с такими не воюем,
Вот врага бы — наповал...
Мы, хозяин, почаюем,
Ганс — вот он «отчаевал».

ГЕШЕФТ

Мне с венграми досталось разделить
Победы радость.

Было все похоже
На то, что мне в тот день любой прохожий
Считал за долг улыбку подарить.
И я бродил, той радостью согрет,
По городку с беспечностью разини,
И подошел дорогой к магазину,
По случаю нехватки сигарет.
А он являл собою пустоту,
Среди развалин чудом уцелевший.
Да, пуст был он.

Но за прилавком плешью
Поблескивал хозяин на посту.
Хозяин — толст, в ермолочке и скор
В движениях —

развел руками: видишь...
На языке простого люда — идиш —
С хозяином заводим разговор.
На языке знакомом и веселом
Приветствие радушно звучит:
— Шолом алейхем! — мне он говорит.
И отвечаю я: «Алейхем шолом!»
— Откуда ж вы, позвольте вас спросить?
Какие ветры по миру носили?
— Как видите, хозяин, из России... —
Он на погоны взглядом стал косить.
— Э-э-э, как же не слышали!

Мир болтлив,
Как тот раввин из нашей синагоги,
Мой дед едва унес оттуда ноги,
Когда еще, хи-хи,
я был соплив,

Вы скажете, он подобру сбежал?
Его богаче не было в Одессе!
А вы — откуда?

Извините, если...
— Есть город там такой — Биробиджан —
— Ах, — будто треснул на зубах орех, —
Туда же можно ехать на кончину!
Тайга, медведи, небеса с овчину...

Простите мне, хи-хи,
мой глупый смех... —

И он, повеселев и поблажев,
Прошелся за прилавком, подбоченясь...
— Еще вопрос имею к вам, почтенный:
Какой вы там имеете
гешефт?

То на мсня он весело глядел,
То зло —

на автоматную гашетку...
— Простите, — отвечаю, — но гешефтом
В знакомом идиш
я не овладел.

— Как можете шутить, — скривил он рот.
Но вот опять затараторил бойко:
— Мы магазин имеем?

Маслобойку?
Чем делаем свой маленький доход?
Тут я захохотал — о, бизнесмен!
Лицо дельца

враз вытянулось тупо.
— А мой гешефт понять вам недоступно!
Простите мне, — ха-ха! —
мой глупый смех.

Спросить позвольте: вы давно с Луны?
Я вижу, бизнес вам проел печенку.
Вы все еще — хозяином лавчонки,
А я давно — хозяином страны.
Я — тракторист, хозяин. Я пашу —

И пышен хлеб мой на столе
Отчизны!
Вот это, я сказать вам должен, — бизнес.
О чем я, кстати, и стихи пишу.
О, у меня богаты закрома,
Засыпанные этими руками!
Но час пришел — бороться с сорняками
Нас призвала история сама.
А как живем, так тот напрасен спор:
Что спорить, если прежде не увидишь?..
Тем кончился на языке,
на идиш,
Приятный обоюдно разговор.

НЕ ЗАБЫТЬ

Не забыть, не избыть
Той военной години.
Над окошком избы
Наклонились рябины.
Глухо брякнул засов,
Открываются двери.
В тихий дом я зашел
И глазам не поверил —
В трех колясках
Убитые дети лежат..
Сердце в бешеной пляске.
Здесь войну и пожар
Нес безумный фашист нам,
И фашист их убил.
Я в рассветную рань
Разрядил карабин.
И пошел я по черным
Дорогам войны,
Каплей малой в упорном
Напоре волны,
Что слила воедино
Весь гнев и всю боль. —
Я за смерть и седины
Шел на праведный бой...
Над туманами ранними
Новых песен волна.
Незажившею раной
В самом сердце — война.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты помнишь, мой дом,
Мы простились с тобой.
Мы шли по земле
из огня да в полямя.
Из боя —
в другой, оглушающий бой,
И дым над землею
был горше полыни.
Я шел, чтобы
каждый росток уберечь,
Все травы,
цветы и деревьев побег.
Так здравствуй!
Настало опять время встреч.
Я — вестник Победы,
частичка Победы!
Что, я изменился? —
Ни слова в ответ.
Лишь добро скрипят
твои старые двери,
Ответишь, что «да» — я поверю,
а «нет»,
И «нет» твоему
я, пожалуй, поверю.
Я тот же,
и так же,
как прежде,
мой дом,
Горяч я и молод,
Хоть стал я мужчиной,
Хотя на лицо
своим грубым резцом

Война, не скупясь,
наносила морщины.
Слова эти я
сочинял и берег.
Но радостью скован
какой-то большою,
Когда предо мною знакомый порог
И стены, и окна твои предо мною.

РОМАШКИ

От взрыва бомб мутился разум,
И люди гибли от огня.
И смерть уже жестоким глазом
Посматривала на меня.

А тут ромашки...
 в смертном пепле.
До боли сжаты лепестки.
Они страдали в том же пекле.
И погибали по-людски.

Но и цвели они, страдая,
У той безвестной высоты...
И мысль пришла ко мне простая:
Ведь надо же полить цветы!

— Ну-ну... Держитесь, бедолаги! —
И с тем я каждому цветку
Дал из походной старой фляги
Воды и жизни по глотку.

...Опять мне память подарила
Один из позабытых дней...
Бог мой, ведь что-то говорила
Жена...
Ах, да — «Цветы полей!»

ДРУГ

Зямку знаешь?
Славный парень — Зямка.
Дружба наша по сей день прочна:
Нас сроднила с ним одна землянка,
Побратала нас одна война.

В час бессилья под огнем фугасным, —
Коль впустую клацает затвор, —
Прорывался к нам с боеприпасом
Верный Зямкин бронетранспортер.

Что его в земном аду хранило?
Но когда беда нашла его,
Словно между делом обронил он,
Зажимая рану: «Ни-че-го!..»

Молодость, как в топке, прогорела,
Но неужто вышли из игры?..
Двое ветеранов поседелых
Вечерком гуляют у Биры.

Листья кленов вздрагивают чутко...
Время с Зямкой нас не развело.
Как и прежде, друг мой скор на шутку,
Только вот ступает тяжело.

Скажет кто-то: крепко, мол, отмечен,
Орден «Славы» тоже примет в счет...
Но я знаю, что с рассветом встречу
Друга по дороге на завод.

Кто нас пожалеет — мы попросим
В цех кузнечный:
 друг мой дорогой
Словно с плеч крутые годы сбросил —
Так послушен молот под рукой!

Молот бьет (а чудится: фугасы...),
Пот с лица — не смей припасть к воде.
Словно снова ждут боеприпасов
Верные товарищи в беде.

Как ни кинь, а друг живет незябко!
Я в поту, а другу каково?
— Как живешь, — кричу ему я, — Зямка?
Он кивнул смешливо: «Ни-че-го!..»

Ничего, дружище! Годы наши
Прожиты недаром — и не жаль.
Ты ведь прав, что мы еще попляшем,
Коль рукам еще подвластна сталь!

ВСТРЕЧА

Что скажу, ошеломленный встречей,
Через столько долгих зим и лет?
Так, улыбкой солнечной расцветен,
Тишину еще хранит рассвет.

Я узнал девчонки-непоседы
Прежней, той, — глаза и взлет бровей.
Спой, дружок, как пела в День Победы
У походной рации своей!

Хочешь — платы от меня потребуй,
Прикажи, чтоб я тебе принес
Радугой простроченное небо,
Ожерелье синее из звезд...

Спой, дружок, чтоб все припомнить снова,
Голос твой мне так необходим!
...Мы стоим, не говоря ни слова,
Друг на друга пристально глядим.

* * *

...В один из последних дней войны, при взятии крепости Бреслау, бывший биробиджанский рабочий Иосиф Бумагин повторил бессмертный подвиг Александра Матросова...

...Лейтенанту Бумагину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза...

...В польском городе Вроцлаве установлен памятник герою...

Из газет

Не бывал я в городе Вроцлаве,
Знатоком себя не нареку.
Если же писать о нем я вправе,
Этим я обязан земляку.

Стал тот польский город,
 город светлый,
Адресом последним земляка,
Не последний адрес,
 а посмертный,
А еще точнее — на века...

Город тот от вражьей пули
 грудью
Заслонил солдат в святом бою, —
И приходят к памятнику люди
Благодарность выразить свою...

Так далеко от Биры до Вислы!
Но солдатский подвиг навсегда
Породнил их — потому и мысли
Снова обращаются туда.

Как и здесь, у нас, сейчас там
 осень...
Мне б к нему, хотя б на пару
 слов:
Дескать, здравствуй,
 дорогой Иосиф,
Я поклон принес от земляков;

От земли, где ты в глуши
 таежной
В зной и стужу город возводил.
Все, что делал, — делал ты
 надежно,
Сделал то, что и превыше сил.

Был завод обозный — самый
 важный!
Немощенных улиц маята.
А сейчас среди многоэтажья
Не узнал бы ты свои места.

Как бы ты обрадовался, знаю!
От завода, где работал ты,
Корабли степные уплывают
В океан уборочной страды.

Знают их Болгария и Куба...
И отсюда, непривычно тих,

Добрый взглядом издали голубя,
Бронзовый, ты провожаешь их...

О тебе здесь память не растает,
Вечно жить хозяином в дому.
И подходит женщина седая —
Не к герою — к мужу своему.

Как она ждала, какие муки
Приняла, надеясь и скорбя?
Посмотри, Иосиф, это внуки
Окружили дедушку, тебя.

Пусть малы и беззаботней
пташек,
Будет час — они уйдут в полет.
Говорят не зря, что внуки
наши —
Наша жизнь, ушедшая вперед.

Потому героев павших слава
Неподвластна пуле и годам...
И читают дети
во Вроцлаве —
«Лейтенант Бумагин...»
по слогам.

ДВЕ БЕЛЫХ РОЗЫ

Две белых розы в комнате моей.
Красив и нежен грустный их наряд.
Две розы у меня,
и много дней
Они, как два светильника, горят.

Их поливаю чистою водой,
Слезами — с тишиной наедине.
Мужчины, что не плачут над бедой,
Пусть будут справедливыми ко мне.

Я двух сестер лишился в ту войну,
Над страшным гетто долго стлался дым.
И эти подцветочки к окну
Поставил я как памятники им.

Закат. Мне время розы поливать.
Нам надо жить —
любить сестер своих,
Погибших никогда не забывать,
И охранять,
и охранять живых...

К МАШИНИСТУ

На эхо боя под Карпатами
Состав отчаянно гоня,
Ты тяжкий хлеб делил с солдатами
У самой линии огня.

В часы бомбежки ожесточенной
Умел маневр предусмотреть,
И из-под рельсы развороченной
В твои глаза смотрела смерть.

В тылу ночами беспокойными
Заботой мучился одной,
Что, может, беден я обоями
И грежу корочкой ржаной.

И ни усталости, ни хворости —
Сквозь вьюгу валенки мне вез,
И коченел на полной скорости,
Чтоб я в окопах не замерз.

Ты вез солдату письма мамыны,
Связав железно фронт и тыл,
И вез ответ его из пламени,
Что жив и сердцем не остыл.

А кто доставил победителей
Домой? А кто через хребты
Везет заказы для строителей?
Герой мой, кто же, как не ты?

ПРИАМУРЬЕ РОДНОЕ

Закат догорает на гребнях Хингана,
И степь приоделась в вечернее платье,
Скирда уже кажется древним курганом,
И горизонт свои сузил объятья.

Мы едем неспешно на газике с поля,
Порой о крыло задевают колосья,
И словно о чем-то мечтают раздолья,
И словно скрипят в отдалении полозья.

А может быть, сельские это криницы
Поют, подымая тяжелые ведра,
И люди к ним с поля подходят напиться,
Чтоб жажду унять и почувствовать бодрость.

Так, помнится, было в селе на Украине,
Где рос я когда-то, учился, работал,
Но с краем родным я расстался
и втайне

О нем тосковал
В приамурских широтах.

С тех пор утекли уже десятилетия,
В суровую почву, как дерево, врос я,
На этой земле родились мои дети,
Как эти, возвращенные мною, колосья.

Не надо мне лучше, чем край Приамурья..
Вот эти леса, полноводные реки,
Луга, новостройки и неба лазурь я
Давно полюбил горячо и навеки.

...Закат догорает на гребнях Хингана,
И степь приделась в вечернее платье,
Ее — с перелеском, дорогой, стогами —
Как мать, заключить бы мне нежно в объятия.

УЛИЦА ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

...Мне дорог этот город.
Люблю гудков его
Рассветный говор,
И звон Биры,
И сумерки аллея —
Здесь я встречаюсь
С юностью моей.
И часто снятся мне
Костры и ливни,
Гул тракторов,
Звонкоголосые пил.
Легли проспектов
Солнечные линии
В местах,
Где зверь таежный воду пил.
Здесь все мое.
Я с улицей сросся
Душой навек.
Светлы ее дома.
Взметнулся город
Птицей-песней легкой,
И я шепчу
Шолом-Алейхема слова:
«Смеяться здорово,
Врачи велют смеяться!»
На площадях цветет сирень, акация.
Шолом алейхем —
это значит
Мир вам!
Что может быть дороже
Этих слов!
Мой город спит
Под небосводом мирным,

Укутанный таинственностью снов.

Шолом-Алейхем —
Звонкий мастер слова —
Любил людей.

И был любим он ими.
Сегодня мы встречаемся
С ним снова

На улице,
Носящей это имя.
Здесь поднялись дома

До неба снега,
Здесь встали корпуса
Заводов новых.

Живут здесь люди
Честные и сильные —
Строители

Невиданнейшей нови.
Когда рассвет

Крыло зари расправит
И приподнимет
Черный полог ночи,

Ему навстречу
Двери открывает
К станкам своим спешащий

Люд рабочий.
О, если б мог
Шолом-Алейхем видеть,

Как труд их светел,
Радостен и славен.

Он — вечно молодой
Смешливый витязь,

Великой
Песнью Песен

Их прославил.

Над городом —
Распахнутые дали...

Шолом алейхем, люди!
Мир вам, Люди!

ДО СВИДАНИЯ, ТЕПЛОЗЕРСК

Утро доброе, поселок! Пусть звучат
В час прощанья струны нежности в привете.
Словно удочку, забрасываю взгляд,
Чтоб в улове взять с собой картины эти.

Горы поясом, и движутся дымки
Там и тут, как белорунные овечки,
Солнце в озере, луга и тальники
И таежные березоньки как свечи...

С этих мельниц возят с цементом мешки,
А по рельсам

люди выдержки гвардейской
Сверхтяжелые ведут товарняки
К Братской ГЭС,

Иркутской ГЭС,
Теперь и — Зейской.

Всюду люди: у печи и у станка,
В белом корпусе, на крановой ли вышке.
Я о них пою. Любовь к ним горяча,
В этих строчках сердца трепетные вспышки.

В РОДНОМ СЕЛЕ

Я снова здесь, в родном селе,
Смотрю, как тянутся к земле
Созвездий дальних нити:
Ночной Амур колышет их,
И пляшет свет миров иных
В его воде, как в сите.
Водою талой луг набух,
И почки лопаются вслух
В саду у спящих окон.
А лес обнову ткет себе,
И первый, радуясь судьбе,
Зеленый вьется локон.
И этот луг, и этот бор,
Как восклицанья — пики гор
Хочу запечатлеть я.
Я только гость,
но все, что есть,
Со мной, во мне,
как будто здесь
Живу тысячелетья,

* * *

Я замер,
Захваченный сказочным видом, —
Так первая нас настигает любовь.
Земля отдавала теплом духовитым,
Тревожащим запахом спелых хлебов.
В них ветер запутался утренне-робок,
И сходятся с ними вдали облака...
И тихо ложится рука хлебороба —
Сестры на плечо мне ложится рука.
«Поэт, — говорит она, — слушай поэзию...» —
На голос откликнулись звоном хлеба. —
«О, если поэзию мерить
полезностью,
То наша, как видишь, отменно любя!»
А щедрого солнца веселые блики
То вспыхнут,
то вдруг пропадут без следа,
Как будто страницы нечитаной книги,
Написанной светлою музой Труда.

ПОДСНЕЖНИК

Со мной сегодня говорил подснежник,
насмешник,
молодой весны приспешник...
Манил,
молил:
— Сорви меня скорее!
Согрей меня,
и я тебя согрею...
Так мне сегодня говорил подснежник,
К нему склонился,
Словно к колыбели
Впервые мать склоняется,
робея,
и услышал,
как тоненько и нежно
о молодой весне поет подснежник...
Мне о весне сегодня пел подснежник...
Просты слова той песни
и красивые,
как реки,
набирающие силу,
как молодая зелень
всходов вешних,
как ждущий птиц
веселый дом-скворечник.
Мне о весне сегодня пел подснежник!

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Солнце скрылось в горах,
На ночлег закатилось.
На проселочный шлях
Темнота опустилась.
Лес молчал.
Лишь беззвучно
Качались вершины.
Лес встречал
Тишину,
Холод полз по лощинам.
В небе коршун кружил —
Неизменный, привычный.
То ль задумался он,
То ль грустил о добыче.
Мы сидели вдвоем
Над спокойной водою.
А на том берегу
Был прибор беспокойный.
— Почему это так, —
Я спросил у соседа. —
Тут, как озеро, гладь,
Там — вода-непоседа,
Там — клокочут
И пеной буруны вскипают?..
— Если хочешь,
Я тайну тебе разгадаю, —
Так сказал мой сосед
И повел свой рассказ.
Много минуло лет,
Но я помню сейчас,
Как дрожал его голос,
Как рвался порою...
Словно волос

Травы
Под стальнойю косою...
Затухал на минуту
И вспыхивал снова.
Я к рассказу его
Не прибавил ни слова.
«Это было давно,
Так давно, что, пожалуй,
В речке нашей воды
С океан убежало.
Тут мы жили —
Отец и, как в сказке,
Три брата.
И сказать — не соврать,
Жили мы
Небогато.
Лодка, парус
Да фанза с дырявою крышей, —
Нищета.
Обвисают у паруса крылья.
Да и верно,
Откуда достатку-то взяться?
Тянет бедность,
Как якорь,
На дно —
Не подняться.
И с закатов
Неярких
До ранних рассветов
Мы тянули
Тяжелые мокрые сети.
Но однажды
Рассвет был
Особенно ранним,
Полыхал над тайгой
Он недолго, но ярко...
Как потом я узнал,
В эту ночь партизаны

Подорвали
Моста серповидную арку.
Мы не спали в ту ночь
до рассвета.

С зарею,
Только серые окна
Забрезжили робко,
Наш отец попрощался
Со всею семьею
И ушел к партизанам
Заветною тропкой.
Много ль, мало ль
Прошло с того дня — не упомню.
Память годы уносят,
Как камни река,
Только знаю,
Что слухи ползли все упорней —
Объявился в округе
Отряд Рыбака.
И пошло:
Полетели под насыпь составы,
Боль народа — солома,
Искру кинь — и пожар!
Никакие засады,
Никакие заставы
Не могли
Отразить правый гнев партизан.
Но однажды —
Запомнил ту ночь навсегда я, —
В тусклом свете луны
На обрыв у реки,
К самой кромке беды —
Шаг до смертного края —
Привели на расправу
Отца беляки.
В кандалах привели,
Даже пленный им страшен.
И сказали убийцы:

— Покайся, Рыбак!
Вот твой дом,
Вот река.
Только все это — наше!
И ответил отец мой им:
— Как бы не так!
И тогда-то
С высокой, обрывистой кручи,
Сбитый пулями,
Рухнул с той кручи отец.
Низко по небу плыли
Лиловые тучи.
И зажглись жаждой мести
Десятки сердец.
Потому-то
Волна у скалы в белой пене,
И о камни
Стучит за накатом накат.
Гнев за гибель отца
Слышу я в этом пенье.
Это сердца отцова
Тревожный набат...
Он замолк...
И не клеилась дальше беседа.
Догорал за рекою
Далекий закат...
И впервые я понял,
Почему у соседа
За последние войны
Так много наград.

ИЮНЬ-КОРАНЬ

В распахнутую солнечную
рань
Задумчиво глядит Июнь-Корань.
Прославленная в битвах высота,
Опять тобой полна моя мечта.
Сверкнула, как штыка стального
грань,
Роса в густой листве...
Июнь-Корань...
Стою я, покоренный красотой,
Перед тобою — гордой высотой.
Июнь-Корань, я бесконечно рад,
Что птицы мирно над тобой парят,
Что старый след траншеи боевой
Давно зарос курчавою травой,
Что нет колючей проволоки тут
И стерт с лица земли войны редут.
В снегах, метелях стали и огня
Здесь люди закалялись,
как броня,
И, как всегда, шли первыми вперед
Партизцы Ильича —
за взводом — взвод.
С волнением на война смотрю,
Он отдал жизнь родному Октябрю
И, воплотившись в памятник-
гранит,
Навеки славу русскую хранит.

БЕССМЕРТИЕ

Я — у братской могилы
на станции Ин.
С неба пухлыми хлопьями
падает снег.
На висках оседает он
прядью седин.
И слезой на щеке
оставляет он след.

Ветер тихо
Забывшие песни поет,
прогрохочет состав —
будто гром прогремит.
В каждом камне
тут слава героев живет,
эту славу здесь
каждый распадок хранит.

В пенье ветра
мне чудится голос бойца,
поднимающий в бой
пордевший отряд.
Слышу — кличет Шевчук:
— Тут стоять до конца!
Вижу: буйным пожарищем
зори горят.

Через станцию мчится
тяжелый состав —

или то бронепоезд
уходит в дозор?
Мерно бьется
о рельсы колесная сталь.
И суров машиниста
пронзительный взор...

У МОРЯ

У меня и у моря
Бессонница...
Ковш Медведицы книзу
 клонится.
Звезды падают, чуть шурша,
На сырой песок из ковша.

Море сонно и глухо
 ворочается
С боку на бок,
 с волны на волну.
Море, море,
 чего тебе хочется?
И тревожно мне почему?

Ты штормами безумно играло,
Ты валы до небес поднимало,
Разбивая о скалы их.
Что же норы твой поутих?

«Незабытое — не забыто,
Как осколок в груди твоей
С той проклятой и
 неизбытой —
Лодки атомные во мне.

Я суда качаю рыбацьи,
Размыкаю я устья рек.
Я тебе принесу удачу,
Помоги же мне, Человек!»

ДОЧЕРИ

Только земля бы
 не ведала горя,
Только бы небо сиренью цвело...
Ты одолеешь высокую гору
Вьюгам и собственным страхам
 назло.

Мир оглядишь с высоты перевала
И на вершине,
 на той крутизне,
Вырубишь в камне
 цветок небывалый —
Дар свой природе,
 и людям,
 и мне.

Я проложил тебе стезю,
 спокойно,
Смело вперед,
 без оглядки, иди.

Только тропы не ищи ты окольной,
Только у моря погоды не жди.
Только люби свою отчужденную землю,
Только обуздывать сердце умей.
Пусть проводник — твоя совесть —
 не дремлет:
Кто приведет тебя к цели прямой?

РАЗГОВОР С ВНУЧКОЙ

Светлана, — утешение мое,
Будильничек мой звонкий на рассвете,
Смотри, мой птенчик, новый день встает,
Светает — словно праздник на планете.

Спросонок глазки протираешь ты,
В них солнечные зайчики играют.
И ясен день от края и до края,
И полон мир добра и красоты.

Несет Бира стремительные воды,
Над нею мост, как радуга, парит,
И — видишь? — дремлет юная природа,
И сизый дым над сопками стоит.

Наполнен город свежестью лесной,
Прекрасен почерк башенного крана,
И день идет — с игрушками, с весной,
Светает в мире радостном, Светлана!

СЫГРАЙ МНЕ, НЕХАМЕЛЕ!

Несложного напева повторенья...
Я дочери соседа говорю:
— Играй! Тебе всегда я отворю
Скрипучие врата стихотворенья.

Нехамеле,
сыграй на скрипке снова!
Тебе я в стену
грозно не стучу,
Я по складам
мелодию учу,
Чтоб сочетались музыка и слово.

Без музыки бы души онемели,
Искусство омертвело бы тотчас.
Когда вбегаet песенка, лучась, —
То праздник настанет среди недели!

Нехамеле, нет лучшего в природе,
Чем эта дружба скрипки и смычка!
Я вижу: заполняется строка
Сиянием и трепетом мелодий...

* * *

Ничьи в долину не вели следы.
Доносит ветер рокот водопада.
Присядь со мною, говорить не надо.
Давай споем под музыку воды.

Пусть нашу песню слушают цветы,
Девичий голос жадно ловят птицы,
Им у тебя, тебе — у них учиться...
Никто здесь не был —
 только я и ты.

Дрожат росинки на ресницах трав,
В них маленькие радуги играют,
Восторженно глаза твои сияют,
Всю красоту весны в себя вобрал.

Ты улыбнулась, словно кто позвал,
Меня, родная, это не тревожит:
Другой влюбленный звать
 тебя не может —
До нас никто в долине не бывал.

В СОРМОВЕ

Я в Сормове.
Заветный дуб возник,
Как памятник, на берегу воспетом.
Кто и когда мне рассказал об этом?
Учил ли в школе?
 Знаю ли из книг?

Поет гармонь,
 станков не слышен гул.
Рабочие гуляют по проселку
И сходятся в дубраве втихомолку,
Где тайну их деревья берегут.

И кто-то смело начинает речь,
Рабочей правдой сходу зажигая,
Он говорит, что будет власть другая,
Своя — лишь стоит мускулы напрячь.

И над маевкой празднично паря,
Звуча, как огнестрельное железо,
Бесстрашно атакует «Марсельеза»
Помещика, буржуа и царя...

Я в Сормове,
 в районе заводском,
Где ярк свет, струящийся из окон.
Не спят цеха в стремлении высоком,
Над чертежом склоняясь и станком.

О, выросшие вместе с кладкой стен
Эпохи звездной, — помните о делах!
В свершеньях ваших,
в планах и победах —
Да будет подвиг их благословен!

ОСЕНЬ

Не омрачай меня. Чем хочешь докучай,
Но только стариком меня не величай.
Цветет и старый сад, чья крона так густа,
Как он, белоголов и я в мои лета.

По молодости ты насмешлива со мной,
На сопку поглядев, пугаешь крутизной,
Прощаю я тебе заносчивость твою:
Иду и ни на шаг — смотри — не отступлю!

И я люблю, как ты, и радуюсь, как ты,
Во мне, как и в тебе, не меркнет жар мечты,
И кажется порой, что время молодит,
И что реки моей шуга не охладит.

Но лишь сомкну глаза — мерещится вдали
Низина. Голый лес. Холодный лик земли.
Звенит мой листопад. Иду и не ропщу,
Но к сердцу своему его не допущу.

Не омрачай меня. Чем хочешь докучай,
Но только стариком меня не величай.
Хотя все больше я в недугах одинок,
И желтая метель шуршит у самых ног.

У ПАМЯТНИКА ХАБАРОВУ

Когда хабаровских бульваров
Ворвется в тамбур шум лесной,
За дверью в город
сам Хабаров
Поднимется передо мной.

В тулупе, брошенном на плечи,
В рубахе кованой своей
Вот он стоит в минуту встречи
Сошедших с поезда гостей.

Вбежать бы, как по виадуку,
Наверх по камню — островку
И протянуть живую руку
Осанистому старику.

И прикоснуться к этой силе,
Что из устюжского села
Через Сибирь на край России
Землепроходца привела!

Скажи, казак, какие бури
В борьбе за дикую тайгу
С тобой сходились на Амуре,
На албазинском берегу?

Какие яростные вьюги
Ты подчинил своей звезде,

Ведя израненные струги
По неизведанной воде?

Тебе бы скинуть бронзу шубы,
Ожить, увидеть с высоты
Все эти мачты, краны, трубы,
Причалы, лестницы, мосты...

И убедиться, что всеильно
В наш век пророчество твое,
Что место дивное сне
«Украшено и избыльно»...

Молчит Яркò. А тени зыбки.
Играет каждая черта.
И тронул ясный свет улыбки
Его недвижимые уста.

НАЧАЛО

Звездою дальней
ночь взглянула
В окно. Там высь — необозрима...
И вновь срываюсь я со стула,
Лист со стихом —
летит в корзину.

Все брошу. Снова не выходит.
Корявы строки и избиты.
Измотан я, ко мне приходят
И огорченья и обиды.

Ну где же песни той истоки?
И как мне рассказать о том
Простым, как небо,
и высоким,
А не ходульным языком.

Но почему не спит наш дом?
Не спит,
Шаги за стенкой слышу.
Соседа кашель узнаю.
Там за стеной —
конструктор Миша
Машину думает свою.

И радостно, и грустно это.
Я в стенку тихо постучал,

Выходит, не одни поэты
Спать не ложатся по ночам.

Давай, сосед, погасим лампы,
Удача, знать, не у дверей.
Нам по полвека, и уж нам бы
Знать надо: утро — мудреней...

За недописанные строки,
За недодуманный чертеж
В ответе мы.
И критик строгий
Нам наша совесть,
Что ж ты ждешь?

...Когда заря плеснула в окна
И по окну роса стекла,
Счастливый, встал я у истока
Новорожденного стиха...

ДОБРОЕ СЛОВО

Когда убитый горем человек
Себя в тоске врачует валлидомом,
Приди к нему не с чудом из аптек,
А с добрым словом, смелым и веселым.

Оно должно быть добрым, как цветы
На день рожденья, как в походе фляга,
Прозрачным — родниковой чистоты,
И честным, как военная присяга.

Не утешенье, скорбное, как вздох,
Но слово ясной мужественной цели,
Волшебники всех рангов и эпох
Целительнее средства не имели.

Но и оно в могуществе своем
Не позовет ни выше и ни дальше,
Когда вдруг обнаружится, что в нем
Пусть малая, но все же примесь фальши.

НОВЫЙ МОСТ

В речную глядя черноту
Под берегом облезлым,
Весну встречаю на мосту,
На новом — на железном.

Стою с фуражкой в руке,
Глаза от солнца шурю.
Как вымпел — шарф на ветерке,
Пальто — как парус в бурю.

Ломай, весна, последний лед,
Дроби заторы эти!
Шестидесятый ледоход,
Как я живу на свете...

Хочу и дальше, до черты,
Идти с весною в ногу,
И чтобы новые мосты
На всем пути к итогу.

ВЕСЕННИЕ МОТИВЫ

Дорогая, охапку цветов
Принесла ты — и петь
я готов.
Нашей юности дверь распахни,
Пусть войдет, как в те давние дни.

С нами пусть она в светлом лесу
С тонких веток сбивает росу,
Пьет дымящийся чай
у костра —
Вдохновенья и счастья
сестра.

Выйдем в город под зелень
ветвей,
Постоим над рекою моей.
Пусть рокошет, светла и быстра,
Как поток моей жизни —
Бира.

Что себе пожелать
в шестьдесят?
Пусть летят мои годы,
летят,
Но в кипеньи твоём,
бытие,
Пусть не старится сердце
мое.

Ведь я песен своих не допел,
Я с родною землей не успел
Расплатиться стихами
сполна.

Здравствуй, юность,
и здравствуй, Весна!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Михаил Асламов. Такой, как есть</i>	5
<i>Моя анкета. Перевод А. Рыбочкина</i>	9
<i>Где он, этот солдат?. Перевод Р. Казаковой</i>	10
<i>Детство. Перевод Н. Наволочкина</i>	11
<i>Я перенял отцовское умение. Перевод</i> <i>А. Рыбочкина</i>	12
<i>Птенцы. Перевод Р. Добровенского</i>	13
<i>К переводчику. Перевод А. Рыбочкина</i>	15
<i>Фронтная дружба. Перевод Д. Шавера</i>	16
<i>Иванов. Перевод А. Рыбочкина</i>	17
<i>Голос Москвы. Перевод А. Рыбочкина</i>	19
<i>На привале. Перевод Н. Прокопчука</i>	21
<i>Прага. Перевод В. Соломатова</i>	23
<i>Исправленная отметка. Перевод С. Смоля-</i> <i>кова</i>	24
<i>Экипаж. Перевод Р. Добровенского</i>	25
<i>Василий Лукич. Перевод А. Рыбочкина</i>	28
<i>Тульский самовар. Перевод М. Асламова</i>	30
<i>Гешефт. Перевод М. Асламова</i>	32
<i>Не забыть. Перевод В. Соломатова</i>	35
<i>Возвращение. Перевод Р. Добровенского</i>	36
<i>Ромашки. Перевод Р. Добровенского</i>	38
<i>Друг. Перевод М. Асламова</i>	39
<i>Встреча. Перевод А. Рыбочкина</i>	41
<i>«Не бывал я в городе Вроцлаве...» Перевод</i> <i>М. Асламова</i>	42
<i>Две белых розы. Перевод А. Рыбочкина</i>	45
<i>К машинисту. Перевод А. Рыбочкина</i>	46
<i>Приамурье родное. Перевод Ф. Архипова</i>	47
<i>Улица Шолом-Алейхема. Перевод В. Соло-</i> <i>матова</i>	49
<i>До свидания, Теплоозерск. Перевод А. Ры-</i> <i>бочкина</i>	51

<i>В родном селе. Перевод А. Рыбочкина</i>	52
<i>«Я замер, захваченный сказочным видом...»</i> <i>Перевод М. Асламова</i>	53
<i>Подснежник. Перевод Р. Казаковой</i>	54
<i>Продолжение легенды. Перевод В. Солома-</i> <i>това</i>	55
<i>Июнь-Корань. Перевод Ф. Архипова</i>	59
<i>Бессмертие. Перевод В. Соломатова</i>	60
<i>У моря. Перевод В. Соломатова</i>	62
<i>Дочери. Перевод Р. Добровенского</i>	63
<i>Разговор с внучкой. Перевод Л. Школьника</i>	64
<i>Сыграй мне, Нехамеле! Перевод Р. Добро-</i> <i>венского</i>	65
<i>«Ничьи в долину не вели следы...» Перевод</i> <i>Н. Филипкиной</i>	66
<i>В Сормове. Перевод А. Рыбочкина</i>	67
<i>Осень. Перевод А. Рыбочкина</i>	69
<i>У памятника Хабарову. Перевод А. Рыбоч-</i> <i>кина</i>	70
<i>Начало. Перевод В. Соломатова</i>	72
<i>Доброе слово. Перевод А. Рыбочкина</i>	74
<i>Новый мост. Перевод А. Рыбочкина</i>	75
<i>Весенние мотивы. Перевод А. Семенова</i>	76

Бронфман И. Л.

Б 88 **Доброе слово.** Стихи. Перевод с еврейского. Хабаровск, Кн. изд., 1975.

80 с. 3000 экз. 26 коп.

«Доброе слово» — новый поэтический сборник поэта-солдата. Почти полвека назад приехал он осваивать трудные, но богатые земли Дальнего Востока. Работал трактористом, потом пошел защищать мирный труд полей и городов на самой страшной из всех в мире войн. О мире, о войне, о сохраненной красоте земли и написаны многие из этих стихов.

Б $\frac{0743-31}{M160(03)-75}$ 31-75

ДВС(евр.)

Исаак Львович Бронфман

ДОБРОЕ СЛОВО

Редактор Н. Т. Кабушкин. Художник В. А. Смирнов. Художественный редактор А. В. Колесов. Технические редакторы: Н. А. Лызова, Е. С. Польщикова. Корректор В. М. Сосновская. Сдано в набор 28/III 1975 г. Подписано к печати 22/V 1975 г. ВЛ 12426. Бумага типографская № 1. Формат 70×90¹/₃₂. 2,92 усл. печ. л. 2,5 уч.-изд. л. Тираж 3000 экз. Заказ № 1737. Цена 26 коп. Хабаровское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Типография № 1 краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.